

«ПЧЕЛА» В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РУСИ И ВИЗАНТИИ

Восприятие на Руси богатейшего культурного наследия Византии изучается давно и плодотворно. Однако, как это часто бывает в науке, то и дело обнаруживаются области, в которых еще много белых пятен. Именно к таким областям относится восприятие на Руси византийской политической теории и идеологии. Существует ряд монографий и статей на эту тему — однако проблема настолько сложна, настолько зависит от состояния источников и методов их интерпретации, что полученные до сих пор данные ни в коей мере не могут считаться окончательными.

Как античная, так и средневековая политическая идеология включала в себя в качестве составной части представления об идеальном правителе. В самом деле, требования, предъявляемые к правителю были призваны обеспечить нормальное функционирование государства и благосостояние его граждан. Точно так же граждане государства в своих же собственных интересах обязаны были помогать правителю в осуществлении его власти. Представление о взаимной зависимости и обоюдных обязанностях правителя и подданных является необходимым элементом всех византийских политических теорий. Нас в этой паре противоположностей будет интересовать только идеальный правитель, поскольку образ идеального подданного (сам по себе также важный, и, кажется, еще никем не исследованный) в византийских политических теориях не столь ярко выражен.

Существующая литература об образе правителя в Византии, характере императорской власти, официальной политической идеологии насчитывает сотни названий. Что же касается аналогичной проблематики в применении к Древней Руси, то здесь положение совершенно иное. Существующие обзорные работы относительно поверхностны, поскольку недостаток места постоянно препятствует анализу огромного фактического материала. Тем не менее, существует ряд хороших монографических исследований, например, об «Учительных главах» Агапита в русской письменности, о политической теории, отразившейся в русских летописях, в последнее время — о политических взглядах. митрополитов Илариона и Никифора, а также Владимира Мономаха. Именно такие монографические исследования отдельных памятников и должны послужить основой для создания фундаментальной истории политических идей на Руси — отсюда их безусловная ценность и актуальность в наши дни. Исследование одного из интереснейших переводных сборников русского средневековья — «Пчелы» — может внести особый вклад в изучение древнерусской рецепции византийской политической идеологии. Сначала, однако, необходимо сделать краткие вводные замечания о том, что же собой представляла политическая идеология Византии.

В нашей исторической науке высказывалось мнение, что византийская политическая идеология сформировалась под влиянием нескольких культурных — факторов: «антично-эллинистических традиций, римской государственности и христианства» (Г. Л. Курбатов). С этим троичным делением можно было бы согласиться при одном существенном уточнении. Дело в том, что как «антично-эллинистические», так и «римские» традиции были сами по себе неоднородны — они эволюционировали от ранних, полисно-республиканских форм к традициям имперской экспансии на Восток и существенной «ориентализации» государственной жизни. Эллинистические государства, расширяясь, становились из мононациональных многонациональными и мультикультурными, — отсюда неизбежно возникали идеи своего рода «экуменизма», объединяющего различные этнические группы не только общей территорией, но и универсальной (имперской) идеологией (в которую могла органично включаться и религия).

Такая эволюция была характерна как для эллинистических монархий, так и для Римской империи. Напомним, что Византия никогда и не называлась иначе чем «Римская империя». В этом своем качестве, сохраняя культурную преемственность с античностью, Византия унаследовала от нее древнейшие, еще полисные представления о власти и правителе.

На протяжении веков, в зависимости от конкретных историко-культурных обстоятельств, эти представления то уходили в тень, то возрождались вновь. Однако главную роль в политической идеологии государства играли, наряду с христианством, не полисные, а именно имперские элементы древнейшего эллинистического и римского наследия. К таким элементам можно отнести идею сакральности верховной власти (первоначально никак не связанную с христианством) и проистекающую из нее теорию «подражания» монарха атрибутам божества («человеколюбец», «спаситель», «победитель», «промыслитель» и др.). Сюда же можно отнести византийский религиозно-политический мессианиззм, представление об иерархическом устройстве обитаемого мира (иерархия государств), и проистекающий из него гегемонизм, бюрократическое управление завоеванными территориями как воплощение идеи «порядка», представление о юрисдикции императора даже над фактически неподвластными ему территориями и т.п. У истоков византийской идеологии стоит Евсевий Кесарийский, сформулировавший концепцию христианского государства, — и эта концепция носит ярко выраженный имперский характер. Даже в «Учительных главах» Агапита Диакона императору Юстиниану I (527-565), насыщенных идеями классического и эллинистического времени, упоминается «корабль всемирной империи». Имперский характер византийской идеологии особенно ярко проявлялся во внешней политике и дипломатии.

Таким образом, формулу Г.Л. Курбатова можно уточнить следующим образом: *официальная политическая идеология Византии формировалась в основном из имперских элементов греко-эллинистического и римского идеологического наследия (с подавляющим*

преобладанием последнего) и санкционировалась христианской религией. Организационное и ритуальное оформление византийской государственности не избежало влияния со стороны деспотических восточных монархий (сакрализованная символика власти, организация императорского двора и придворных ритуалов, институт евнухов). Однако в идеологии империи это влияние не нашло отражения — официально Византия признавала только авторитет греко-римской античности и христианства.

Переходим к рассмотрению собственно «Пчелы» как памятника древнерусской книжности. Она представляет собой обширный сборник цитат из Священного Писания, отцов Церкви, но главным образом — из античных философов, ораторов и государственных деятелей. Изречения в «Пчеле» распределены тематически, по главам, которых в древнейшей редакции насчитывается 71. Принципиально важно учитывать следующие два обстоятельства. Во-первых, «Пчела» составлена в Византии, а значит, несмотря на обилие цитат из языческих авторов, изначально является памятником христианской византийской культуры. С другой стороны, она переведена на древнерусский язык на Руси. Утверждать это с большой степенью вероятности позволяет наличие в переводе ярких языковых русизмов, а также общие особенности языка и рукописной традиции памятника. М.Н. Сперанский обоснованно датировал перевод временем до конца XII — начала XIII в.

Древнерусский перевод «Пчелы» — один из наиболее удачных переводческих опытов во всей древнерусской книжности. Переводчик превосходно владел греческим языком и очень редко допускал неточности в понимании текста — многие из них представляют собой не столько ошибки перевода, сколько своеобразные интерпретации оригинала, имеющие целью приспособить текст чужой культуры к отношениям и реалиям Древней Руси. Анализ этих отклонений от смысла оригинала может дать важную информацию о древнерусской ментальности и особенностях древнерусского восприятия византийской политической идеологии. Для анализа русской политической мысли домонгольского периода такие сведения могут быть весьма полезны, поскольку других источников политической идеологии от этого времени сохранилось очень мало. Еще одним важным свойством древнерусской «Пчелы» является произведенный переводчиком отбор греческих текстов. Дело в том, что на византийской почве существовало много редакций этого флорилегия, но до сих пор не найдена рукопись, которая бы точно соответствовала по набору цитат древнерусской версии. Именно поэтому издатель русской «Пчелы» В.Семенов (СПб., 1893) был вынужден подбирать греческие соответствия к переводу по нескольким греческим рукописям и изданиям. (Далее ссылки на это издание.)

Итак, мой доклад будет посвящен анализу античных и византийских политических идей в том их преломлении, которое они получили в процессе отбора и перевода материалов греческой «Пчелы» в Древней Руси. Именно отбор текстов для перевода, а потом уже особенности

переводческой техники и передачи смысла представляют собой творческий вклад переводчика в создание древнерусской версии «Пчелы». Этот собственный вклад и будет главным предметом нашего анализа. Фон изложения будут составлять особенности византийской политической идеологии: те, что были восприняты на Руси, и те, что так и не нашли применения в древнерусской политической культуре.

Среди переводных византийских памятников политического содержания «Пчела» до сих пор удостаивалась лишь беглого внимания исследователей. Еще в начале XX века она вообще не воспринималась как источник политических идей на Руси. Так, в своей классической монографии 1916 г. В. Е. Вальденберг утверждал, что на Руси были известны лишь четыре произведения византийской политической литературы «Учительные главы» (Capita admonitoria) Агапита (VI в.), «Учительные главы» Василия I (вторая половина IX в.), «Житие Феодора Студита» с некоторыми сведениями о соотношении церковной и светской власти и творения Симеона Солунского (XV в.), известные в ряде списков XVII в. Несколько слов (и то лишь в связи с цитатами из Агапита) посвящают «Пчеле» В.Е. Вальденберг (в статье 1926 г.), И.Шевченко и Ф.Дворник. Таким образом, специальное исследование политических идей древнерусской «Пчелы» с учетом ее текстологии, техники перевода и византийских параллелей в науке отсутствует.

Специально политическим вопросам посвящена глава 9 древнерусской «Пчелы» «О власти и о княжении» (с. 96-112). В нее вошли изречения античных греческих мыслителей: Аристотеля, Демокрита, Диогена, Исократы, Менандра, Плутарха, Платона, Фукидида, Еврипида; из римлян — Марка Порция Катона, Музония Руфа, Диона Кассия; из ранневизантийских писателей — Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Агапита Дякона. Формальным вступлением к 9 главе (как и к другим главам «Пчелы») служат цитаты из Ветхого и Нового Завета — однако в содержательном отношении они играют явно подчиненную роль. Авторитетность «Пчелы» для древнерусской политической теории проявилась в том, что многие статьи 9 главы перешли в официальный юридический сборник конца XIII — начала XIV вв. «Мерило праведное».

Какие же особенности византийской политической мысли отразились в 9 главе древнерусского перевода «Пчелы»?

В начале главы на материале библейских цитат говорится не столько о свойствах идеального правителя, сколько о должном отношении к власти. Далее под именем Иоанна Златоуста следуют наставления собственно для правителя. Среди необходимых ему качеств выделяется прежде всего смирение. Отмечается также *чинность* (с. 97.9), *воздержание от гнева и зависти* (с. 97.13-18), *подчинение всего подвластного ему Божьим законам* (с. 97.14-15), *«свободный ум»* (в смысле свободы от страстей) (с. 97.15-16, ср. с. 109.1-2).

Одним из важных свойств правителя, сформулированным еще античными стоиками, является *воздержанность*. Согласно «Пчеле», человек, лишь по видимости правящий, а в действительности являющийся

рабом страстей, вызывает насмешки подданных (с. 98.1-3). Неподвластность страстям определяется как «уравновешенность, разумность», ведущие «къ божественному закону». Интересно упоминание «божественного закона». В оригинале упомянут обычный «закон», который под пером русского переводчика превращается в «божественный». Здесь не место подробно излагать христианское понимание «божественного закона», отразившееся в переводе, — отметим только, что по общему смыслу фразы под «божественным законом» следует понимать прежде всего христианские новозаветные заповеди любви, милосердия и жертвенности. Таким образом, в древнерусской версии «Пчелы», в отличие от греческого оригинала, сильнее выражен христианский элемент и на князя возлагается *обязанность следовать евангельским заповедям*. Аналогичное древнерусское добавление встречаем и ниже по тексту в цитате из Агафона, где содержится напоминание князю о том, что он обязан править «по законам». Греческое множественное число «по законам» превращается в переводе в целую фразу: «яко законъ ему поручень от Господа» (с. 109.13-14). Под «законом, порученным от Господа» определенно скрывается только что упомянутый «божественный закон» христианского милосердия и справедливости. Таким образом, древнерусский переводчик вновь уточнил оригинал, заменив следования законам конкретной религиозно-моральной ответственностью князя за соблюдение воли Господа.

Авторитетом преподобного Максима Исповедника обосновывается такое качество идеального правителя, как *отеческая любовь к подданным*. Устами греческого ратора Исократы князь получает следующее наставление: «пѣцися о людехъ и смотри непрестанно, како бы княжилъ надъ ними радостно» (107. с. 19-23).

Отеческая любовь и забота неотделимы от *кротости* правителя в осуществлении власти — «Пчела» упоминает о ней неоднократно со ссылками на Иоанна Златоуста (с. 97.28-98.1), Иоанна Дамаскина (с. 100.27), Клитарха (с. 104.6), Александра Македонского (с. 105.13 — без опоры на греческий оригинал!).

Необходимость любви и милосердия диктуется не только соображениями нравственности, но и политическим расчетом: так, согласно историку Ксенофону, жестокость и необузданность в управлении недальновидна и вредна: чем больший страх внушает правитель своим подданным, тем больше у него врагов, и чем неразборчивей он в гневе, тем скорее смогут его враги сплотиться против него (с. 100.29-101.7). В дальнейшем эта мысль подтверждается изречением, приписанным философу Демокриту.

Забота о подданных неотделима от такого качества как *щедрость*. В «Пчеле» (со ссылкой на Филона Александрийского) проповедуется идея *подражания Богу в щедрости* — подобно Богу, идеальный правитель ни в чем не нуждается, но щедро оделяет просящих у него.

Проблемы суда и справедливости также нашли свое отражение в материалах древнерусской «Пчелы». Важное условие неограниченной

судебной власти правителя — его *высокая личная нравственность*. Только нравственно безупречный («безпорочный») правитель имеет моральное право карать и миловать подданных по своему усмотрению (с. 100.3-7). Здесь же вновь содержится призыв к *милосердию*: лучше ради блага достойных иногда прощать и недостойных, чем ради наказания недостойных ущемлять права достойных (с. 100.8-19). Ниже подчеркивается значение *великодушия* правителя: неизвестный автор призывает к тому, чтобы наказания были меньше, а награды — больше заслуженного (с. 109.2-5, ср. с. 108.29-30). Мысль о милосердии к согрешениям других и строгости к самому себе подкрепляется авторитетом Иоанна Дамаскина.

Другим важнейшим качеством хорошего правителя и судьи является *беспристрастность*: «княземъ и судьямъ недостойно умоленнымъ быти ни о правде, ни о неправде» (с. 104.27-29).

Цитаты из римского историка Диона Кассия (ок. 150 г. — ок. 235 г.) призваны обосновать такие качества правителя, как *благорасположение к подданным*, а также *стойкость и упорство в решении важных государственных задач*. В переводе опущены упоминания таких сложных и едва ли адекватно переводимых на древнерусский язык этических понятий, как совокупность гражданских добродетелей, здравомыслие, рассудок и просвещенный разум, интеллект, предполагающий обязательное гуманитарное образование (с. 101.13-24).

Любопытно уточнение, которое делает древнерусский переводчик, слегка изменяя смысл оригинала, — понятие *благорасположения правителя* в русской «Пчеле» эксплицитно связывается только с «приятелями» или «дружиной», т. е. с ближайшими к князю лицами, тогда как греческий термин подразумевает милость ко всем подданным правителя. Такие переводческие вольности хорошо отражают социальную ситуацию в домонгольской Киевской Руси, где опорой князя была именно дружина, а не абстрактные «подданные». Данная тенденция находит свое выражение и в других местах. Таким образом, в переводе сильнее, чем в оригинале, выделены элементы феодальных отношений васалитета и специально подчеркиваются обязательства князя перед дружиной.

На этом основании можно сделать весьма вероятный вывод, что переводчик, скорее всего, был светским лицом и происходил из княжеской дружинной среды.

Слова и дела самого правителя не должны расходиться с требованиями, которые он предъявляет к своим подданным, поскольку личный пример воспитывает гораздо лучше, чем судебные наказания: «да оунесть с подражаньемъ неже съ боязнью вънити в лучшее» (с. 101.25-102.9). Здесь снова встречаем категорию *подражания*, описывающую отношения правителя и подданных. Слово подражание здесь употреблено для перевода греческого «ревность, стремление, ревнивое отношение» и находится в антиномической оппозиции терминам «страх» и «боязнь». Таким образом, согласно мнению Диона Кассия, хороший

правитель вселяет в своих подданных не страх, а стремление следовать его примеру и его добродетелям. «Пчела» знает термин «подражати» и в традиционном значении.

В основе концепции *подражания властям* лежат архаичные социальные представления, отразившееся, например, в пословице «каков царь, таков и псарь». В «Пчеле» с опорой на Диона Кассия это правило функционирования социальной иерархии сформулировано также вполне афористично.

Образцом правителя в «Пчеле» предстает Александр Македонский. Для последнего искусство управления состоит в том, чтобы награждать за услуги друзей, но и врагам делать добро, побуждая их тем самым к примирению (с. 105.11-12). К поощрению лучших призывает также цитируемый в «Пчеле» (с. 107.25-28) афинский оратор Исократ (436-338 гг. до н.э.). Выше мы видели, что необходимым качеством правителя считается благорасположение к подданным. По Исократу же, наоборот, хороший правитель вызывает у подданных благорасположение по отношению к себе. В переводе это отношение подданных к правителю выражено термином, который, вероятно, лучше всего перевести как «благонамеренность».

Что касается отношения подданных к правителю, то «Пчела» практически не прибегает к распространенным в христианской пастырской педагогике приемам пробуждения страха перед авторитетом власти. Лишь один-единственный раз в греческой цитате из Исократа появляется элемент «устрашения» подданных: «Внушай ужас своей осведомленностью обо всем происходящем, но будь кроток, назначая малые наказания за крупные проступки» (с. 108.7-10). В переводе, однако, вместо «внушай ужас» стоит просто «тѣсняся», т. е. «стремись, старайся». Таким образом, угрожающая риторика, была переводчику явно чужда. С другой стороны, «Пчела» также не оперирует понятиями «страх Божий», «Страшный суд», «страшный судия». В этом отношении текст «Пчелы» существенно расходится с византийской и древнерусской практикой поучений правителю: так, о «страхе Божиим» и Страшном суде неоднократно напоминает Агапит Диакон императору Юстиниану, о «страхе Господнем» говорит и император Василий I в особой редакции своего «Поучения». «Страх Божий» характеризует идеального правителя в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона и в «Поучении» Владимира Мономаха. В послании Иакова Черноризца князю Изяславу Ярославичу важное место занимает образ «Господа, уже на судъ грядуща»; митрополит Кирилл II (1242-1281) в «Слове ко всему миру» призывает князей «пребывать в страсе Божии», а в «Слове о судиях и властелех» грозит неправедным князьям «страшным и скорым испытанием».

На с. 109.29-110.5 «Пчелы» содержится интересное рассуждение о двойственной природе правителя (императора), приписанное царю Филиппу, отцу Александра Македонского; в ранневизантийской традиции о том же писал в своих поучениях императору Юстиниану I (527-

565) Агапит Диакон — фрагмент этого наставления также попал в «Пчелу» (с. 111.17-112.1).

Переходим к выводам. Перевод греческой «Пчелы» характеризуется высоким качеством и внимательным отношением к смыслу переводимого текста. При этом переводчик не везде следовал букве оригинала, предпочитая передавать его основное содержание, и позволяя себе иногда небольшие вставки или, напротив, пропуски. Анализ переводческих вольностей показывает, что они не случайны — в них отразилась специфика древнерусского менталитета в сравнении с греческим оригиналом «Пчелы». Адресатом перевода, бесспорно, был один из русских князей — об этом свидетельствует не только регулярное упоминание «дружины» без опоры на греческий оригинал, но и употребление конкретного термина «княжिति» (наряду с обобщенным «владети»).

Данные, полученные при анализе текста древнерусской «Пчелы» и сопоставлении ее с греческим оригиналом, позволяют с полным основанием утверждать, что в XII-XIV вв. на Руси задача политико-идеологического обоснования княжеской власти не решалась путем заимствования специфически византийских (имперских) идеологических клише. Для выработки собственной политической идеологии и, прежде всего, формирования образа идеального правителя на Руси было использовано дохристианское греко-римское наследие, сохранившееся в греческой «Пчеле» и отражающее еще во многом полисные социальные отношения. Так например, в «Пчеле» полностью отсутствует основополагающая для христианской империи идеологема о *божественном происхождении власти* и, как следствие, *сакральном статусе правителя*.

Нет в «Пчеле» и эксплицитно выраженной догмы о *благочестии* правителя, его обязательной принадлежности к православной христианской вере, тогда как в Византии это было важнейшим качеством императора и обязательным условием его восшествия на престол. Разумеется, отсутствие в «Пчеле» эксплицитной нормы *благочестия* не означало, что князем на Руси мог стать иноверец или еретик — речь идет о том, что христианское благочестие князя в «Пчеле» не формулировалось как важнейший элемент государственной идеологии, сравнимый с византийской «политической ортодоксией». Принадлежность князя к православию подразумевалась имплицитно в используемых переводчиком понятиях «*божественного закона*», «*закона, порученного от Господа*».

Полностью отсутствует в «Пчеле» и многократно декларированная обязанность византийских императоров *заботиться о священниках, хранить догматы Церкви и блюсти нерушимость церковных канонов*. В этом отношении древнерусская «Пчела» сильно отличается от сочинений, написанных на Руси духовными лицами. Так, в начале XII в. в полном согласии с традициями Византии митрополит Русский Никифор I призывает Владимира Мономаха защищать православие. Подобные взгляды решительно чужды переводчику «Пчелы», который вообще ничего не пишет о Церкви. Разумеется, этот факт можно объяснять

составом греческой «Пчелы», который до сих пор остается не совсем ясным.

Однако общая тенденция перевода носит настолько светский характер, что можно лишь с большими оговорками предполагать в переводчике духовное лицо. Вероятно, это был один из приближенных князя, советник, человек незаурядной образованности, несомненно, долгое время проживший в Византии и обладавший прекрасным знанием как греческого, так и древнерусского литературного языка.

Из всего сказанного следуют два принципиальных методологических вывода. Во-первых: *политическую идеологию Древней Руси домонгольского периода следует изучать дифференцированно: анализ источников показывает, что идеология светской власти и духовных властей в некоторых моментах существенно различалась.* Во-вторых: *особенности языка и особенно переводческой техники «Пчелы» указывают на возможное знание греческого языка светскими лицами и позволяет поставить под сомнение монополию Церкви на переводческую деятельность на Руси. Высокое качество перевода «Пчелы» позволяет видеть в переводчике хорошего знатока греческого языка и классической античной традиции — со всеми вытекающими выводами о культурных связях Руси и Византии в XI-XII вв.*

Очень мало говорится в 9 главе «Пчелы» о таком важном качестве монарха в Византии как *полководческий талант*. Титул «непобедимый» и «победитель» входил в официальное именование римских и византийских императоров III-VII вв. Однако для автора (авторов) «Пчелы» как сборника главным свойством правителя было умение не победить противника, а привлечь его на свою сторону: здесь можно вспомнить вложенное в уста Александра Македонского правило о необходимости «благоденний» по отношению к врагам (с. 105.11). Ярко выраженный в 9 главе «Пчелы» примат дипломатического искусства перед военным должен был иметь большое значение на Руси, — поскольку в условиях княжеских усобиц и борьбы со своими соплеменниками (зачастую даже родственниками) задача состояла не столько в военной победе и истреблении врага, сколько в достижении политических целей при сохранении жизни соотечественников и единоверцев. Мирлюбивые мотивы в политической идеологии начинают отчетливо звучать именно в предполагаемое время перевода «Пчелы» — в конце XII в. Так, в 1186 г., когда рязанские князья Глебовичи Роман, Игорь и Владимир выступили против своих братьев Всеволода и Святослава Рязанских, великий князь Владимирский Всеволод Юрьевич, обратился к Глебовичам с увещанием: «Братья, что тако делаете? Не дивно, оже ны быша погании воевали, а се ноне хочете брату своєю убити». Для политической идеологии Руси того времени существенно, что мирлюбие князя Всеволода и нежелание проливать братскую кровь оценивается летописцем как естественное качество «правоверного» правителя. И все же древнерусский дружинный менталитет, конечно, не мог обойтись без такого качества правителя как *воинская доблесть* — соответственно, в «Пчеле»

упоминаются «крепость на супостаты» (с. 103.19-20) и «добрыи воевода» (с. 109.25).

Наконец, совершенно неподходящими для древнерусских условий выглядят качества правителя, направленные на оптимальную организацию имперской *бюрократии* — в «Пчеле», как и следовало ожидать, об этом ничего не говорится. Молчат об этом и другие источники по древнерусской политической идеологии.

Таким образом, можно считать установленным, что Киевская Русь XII-XIII вв. в силу своей децентрализованности и раздробленности, в условиях опоры князя в основном на свою дружину, демократического характера политической системы во многих древнерусских городах и существования во многом договорных, почти партнерских отношений между властью и подданными, не могла в полном объеме усвоить византийскую политическую идеологию, пронизанную имперскими образами и идеями. Особенности древнерусского перевода политических статей византийской «Пчелы» показывают, что не византийская имперская, а воспринятая Византией античная, полисная по своему характеру политическая идеология лучше всего соответствовала конкретным социально-политическим условиям древнерусских княжеств в XII-XIII вв.

540-е заседание. 24 октября 2001 г.

А. И. Буркин

Образ Преподобного Нила Столобенского в иконописи и деревянной скульптуре (по материалам частной коллекции А. И. Буркина)

Предметом моего исследования стал вопрос, не изученный специально в искусствоведении — иконография преподобного Нила Столобенского. Она отличается разительным своеобразием по сравнению с общим иконографическим каноном — большинство образов преподобного Нила выполнены в виде объемных фигур молящегося инока. Его изображение можно встретить во всех традиционных видах древнерусского искусства: лицевом шитье (покров XVII века с его изображением хранится в Историко-художественном музее-заповеднике Сергиева Посада), иконописи, мелкой пластике, финифти и даже на выносных запрестольных крестах. Судя по количеству дошедших до нас изображений святого, почитание его в России было повсеместным. Коллекция, которую я собирал свыше 15 лет, насчитывает более 200 предметов.

По началу иконописцы XVI века изображали святого Нила в строго канонической иконной традиции на плоской доске, а с XVII века стал формироваться собственный канон — либо прорезное изображение молитвенника — горельеф, либо полностью объемная фигура подвижника — скульптура. В искусствоведении бытует мнение, что православный канон категорически запрещал в иконографии скульптурное изображение. Это не совсем так. Из общего правила существовали при-